А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 3** **30 января 2025 года**

О дисциплинарном производстве
в отношении адвоката Б.
по жалобе С.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе …рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С. от 04 сентября 2024 года (вх. № …) в отношении адвоката Б. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 13 ноября 2024 года вынесла заключение

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве … адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства…, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 4, 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов

20 апреля 2017 года, исполнении адвокатом Б. своих профессиональных обязанностей перед доверителем С. выразившемся в том, что, вступив 16 августа 2024 года в уголовное дело №…, находящееся в производстве следователя 11 отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве Ч. в качестве защитника обвиняемого С. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, адвокат Б. в условиях нарушения права С. на свободный выбор защитника принял участие 16 августа 2024 года в предъявлении С. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в его допросе в качестве обвиняемого, в уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу №…, а также в предъявлении обвиняемому С. и его защитнику – адвокату Б. материалов указанного уголовного дела для ознакомления в порядке, установленном ст. 217 УПК РФ;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по жалобе С. от 04 сентября 2024 года (вх. № …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Содержащийся под стражей заявитель С., извещенный надлежащим образом, обеспечил явку в заседание Совета своего представителя – адвоката М., который согласился с заключением Квалификационной комиссии, пояснил, что действия адвоката Б. повлекли неблагоприятные последствия для С., которые выразились в продлении сроков его содержания под стражей свыше предельно допустимых для стадии предварительного следствия, а также в ограничении судом срока ознакомления с материалами дела, что стало возможным в результате допущенных 16 июля 2024 года с участием адвоката Б. нарушений при предъявлении обвинения и составлении протокола уведомления об окончании следственных действий в порядке ст. 215 УПК РФ. Заявитель С. просил применить в отношении адвоката Б. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Б. в заседании Совета поддержал свои письменные возражения (вх. №…), в которых не согласился с заключением Квалификационной комиссии и пояснил, что, вступая в дело, руководствовался ч. 3 ст. 50 УПК РФ, не знал о заключении с другим адвокатом соглашения, информацию об адвокате Ч., который на 16 июля 2024 года еще не вступил в уголовное дело, воспринял как неконкретную и не позволяющую ему принять решение о неучастии в процессуальных действиях по уголовному делу. В настоящее время он по своей инициативе приостановил участие в распределении новых заявок в АИС АПМ для дополнительного изучения требований Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы, регламентирующих защиту по назначению в уголовных делах. Просил прекратить дисциплинарное производство в связи с отсутствием в его действиях нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и

адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвокатов Б. и М., соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве … отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве находилось уголовное дело №…, возбужденное 26 апреля 2023 года по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в отношении С., который 19 сентября 2024 года был задержан в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, и 21 сентября 2023 года в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Впоследствии срок содержания под стражей неоднократно продлевался, в том числе постановлением суда от 23 июля 2024 года до 12 месяцев 00 суток, то есть до 19 сентября 2024 года.

Защиту обвиняемого С. по соглашению осуществляли адвокаты М., вступивший в уголовное дело с 15 апреля 2024 года по предъявлении Ордера от 15 апреля 2024 года № …, К. – с 22 мая 2024 года по предъявлении Ордера от 22 мая 2024 года №…, Ф.– не позднее, чем с 12 августа 2024 года.

С. и его защитники были 12 августа 2024 года уведомлены о намерении следователя Ч. предъявить С. обвинение 15 августа 2024 года. Однако 15 августа 2024 года С. в помещении следственного изолятора вручил следователю Ч., датированное 13 августа 2024 года письменное заявление об отказе от защитников по соглашению К., М., Ф., которые после этого покинули место производства процессуальных действий. В том же заявлении С. выразил желание, чтобы его защиту осуществлял адвокат Ч.

15 августа 2024 следователь Ч. направил С. уведомление в порядке ст. 172 УПК РФ о предъявлении ему обвинения 16 августа 2024 года.

Адвокат Ч. по состоянию на 16 августа 2024 года в уголовное дело в качестве защитника С. не вступил, участие в следственных и иных процессуальных действиях 16 августа 2024 года не принял по причине профессиональной занятости. При этом, по крайней мере с 16 августа 2024 года, адвокат Ч. принимал меры к вступлению в уголовное дело в качестве защитника С., подав в этот день в ГУ МВД России по городу Москве ходатайство от 15 августа 2024 года на имя следователя Ч., к которому была приложена копия Ордера от 15 августа 2024 года №…. Указанное ходатайство направлено следователю только 21 августа 2024 года.

В АИС АПМ адвокатом М. 13 августа 2024 года размещено заявление о защите С. по соглашению. От адвоката Ч., не являющегося членом Адвокатской палаты города Москвы и не имеющего личного кабинета в АИС АПМ, 15 августа 2024 года в Палату также поступило заявление о защите С. по соглашению для размещения в АИС АПМ, что было выполнено 20 августа 2024 года.

15 – 16 августа 2024 года следователь Ч. инициировал в АИС АПМ 13 заявок на назначение адвоката для осуществления защиты обвиняемого С., в

которых содержалась недостоверная информация в отношении фамилии, имени, отчества обвиняемого и номере уголовного дела. Заявка АИС АПМ № … (содержавшая достоверные сведения о номере уголовного дела и получателе юридической помощи) была 16 августа 2024 года принята адвокатом Б., который в тот же день вступил в уголовное дело, предъявив Ордер от 16 августа 2024 года № …

Следователь Ч. сообщил адвокату Б. об отсутствии у обвиняемого С. защитников, вступивших в уголовное дело в соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ, а также о том, что адвокат Ч. уведомлен им посредством телефонной связи о необходимости предъявления ордера и удостоверения адвоката для вступления в уголовное дело, и об отказе адвоката Ч. от участия в следственных и иных процессуальных действиях 16 августа 2024 года.

Адвокат Б. 16 августа 2024 года ознакомился в порядке п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ с отдельными материалами уголовного дела, о чем был составлен соответствующий протокол. Далее в тот же день следователем Ч. было предъявлено С. постановление от 16 августа 2024 года о привлечении в качестве обвиняемого, текст которого прочитан следователем вслух, составлены протоколы допроса С. в качестве обвиняемого и уведомления в порядке ст. 215 УПК РФ об окончании следственных действий. Обвиняемый С. от подписания указанных процессуальных документов отказался, они были подписаны следователем Ч., адвокатом Б. и понятыми.

Кроме того, адвокат Б. своей подписью удостоверил запись следователя об отказе обвиняемого С. от ознакомления с материалами уголовного дела в графике ознакомления с материалами уголовного дела. Запись об ознакомлении адвоката Б. с какими-либо материалами уголовного дела в этом графике отсутствует.

19 августа 2024 года адвокаты К., М., Ч. в рамках «отдельных соглашений» приняли участие в судебном заседании Московского городского суда по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката М. на постановление Т. районного суда города Москвы от 23 июля 2024 года, которым был продлен срок содержания С. под стражей. С 04 сентября 2024 года адвокат К. вновь приняла поручение на осуществление защиты С. Защитники, от которых С. отказался 13 августа 2024 года, продолжили осуществлять его защиту по двум другим уголовным делам по ч. 2 ст. 199 УК РФ, сохраняя с ним коммуникацию. С. 11 сентября 2024 года отказался от защитника – адвоката Ч. путем подачи следователю Ч. письменного заявления.

Заявителем С. против адвоката Б. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в неоказании квалифицированной юридической помощи, а именно в непринятии мер по реализации его права на свободный выбор защитника при вступлении в уголовное дело и при производстве по нему следственных и иных процессуальных действий 16 августа 2024 года, а также в пассивном осуществлении защиты;

– в несоблюдении деловой манеры общения, выразившемся в

обращенном к нему высказывании: «Не надо устраивать тут цирк, мы все прекрасно понимаем, что происходит, я сам был следователем»;

– в критике правильности действий и консультаций адвокатов, ранее оказывавших ему юридическую помощь, выразившейся в заявлениях о том, что они «не профессионалы, плохо работают и являются безграмотными».

Оценивая выдвинутые дисциплинарные обвинения и профессиональное поведение адвоката Б. в описанной ситуации, Совет исходит из следующего.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, пп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим Решением от 15 марта 2019 года (Протокол № 4) утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок). Абзацем 2 п. 2.1 Порядка установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных пп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176 и согласованными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 года (далее – Правила).

В соответствии с п. 13 Правил, адвокат обязан руководствоваться Инструкцией адвоката по работе в АИС АПМ, согласно п. 7.2 которой если в системе зарегистрировано заявление на защиту по соглашению по подзащитному из заявки, то на электронную почту назначенного по заявке адвоката поступит информация о данном обстоятельстве. Из отчета по принятой адвокатом Б. заявке АИС АПМ №… следует, что ему направлялась информация о наличии в системе заявления о защите по соглашению, поступившего от адвоката М.

Соглашаясь с выводом Комиссии об отсутствии дисциплинарного проступка в том, что адвокат Б. не связался с адвокатом М., поскольку был ознакомлен при вступлении в уголовное дело с заявлением С. об отказе от защитника – адвоката М., Совет вместе с тем констатирует, что адвокат, получивший уведомление АИС АПМ о регистрации заявления о защите по

соглашению, должен проверить обоснованность такого заявления, для чего связаться с разместившим его адвокатом. Кроме того, в данном случае исполнение этого требования позволило бы адвокату Б. еще до прохода в следственный изолятор получить сведения как о протестном поведении обвиняемого С., так и о намерении адвоката Ч. вступить в уголовное дело, о чем адвокат М. был осведомлен. Именно так поступил ранее принявший одну из заявок в АИС АПМ на защиту С. адвокат К.

Не выполнив п. 13 Правил, проигнорировав п. 7.2 Инструкции адвоката по работе в АИС АПМ в части порядка действий адвоката при наличии в АИС АПМ заявления о защите по соглашению, адвокат Б. фактически поставил себя в условия, при которых был вынужден принимать решение о дальнейшем осуществлении защиты С. без средств связи, в условиях дефицита времени и на основании лишь объяснений и документов, предоставленных ему следователем. Более того, вступив при таких обстоятельствах в уголовное дело, адвокат Б. и после этого не проявил необходимой активности в отстаивании права своего доверителя С. на свободный выбор защитника, хотя достоверно знал о волеизъявлении последнего на осуществление его защиты адвокатом Ч. Несмотря на то, что адвокат Ч. 16 августа 2024 года в уголовное дело еще не вступил, С. исчерпывающе ясно довел до сведения адвоката Б. как свое волеизъявление на осуществление его защиты адвокатом Ч., так и требование покинуть место производства процессуальных действий. Однако адвокат Б. эти требования своего доверителя не выполнил и не оказал ему никакой помощи в их реализации.

Между тем, в этой ситуации на адвоката Б. распространялся алгоритм действий, направленных на обеспечение права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, содержащийся в Разъяснениях № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению».

В указанных Разъяснениях, в частности, указано на недопустимость навязывания адвокатом подозреваемому, обвиняемому юридической помощи защитника ни при каких обстоятельствах ни со стороны адвоката, в том числе и при осуществлении защиты по назначению, ни со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Адвокат, вступающий в дело для осуществления защиты по назначению, обязан неукоснительно соблюдать право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него. Какое бы то ни было прямое или косвенное содействие в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками, недопустимо.

Исходя из указанных Разъяснений, основанных, в том числе, на тех же требованиях Конституции РФ и российского законодательства, правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые приведены в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013

года, Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев непринятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе, продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть, направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу. При этом конкретные фактические обстоятельства, в которых дознаватель, следователь или суд, которыми отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, усматривает злоупотреблением правом на защиту, должны быть приведены в соответствующем процессуальном решении. Самостоятельное установление таких обстоятельств в компетенцию адвоката не входит.

Сопоставляя с этими требованиями описанное выше профессиональное поведение адвоката Б., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией,

приходит к выводу об отсутствии оснований для признания его действий недопустимым дублированием функций защиты. Вместе с тем, согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 – 7 части первой статьи 51 УПК РФ.

По состоянию на 16 августа 2024 года, предусмотренный ч. 3 ст. 50 УПК РФ пятисуточный срок для явки приглашенного обвиняемым защитника не истек, поскольку С. был уведомлен о дне предъявления обвинения 12 августа 2024 года. В постановлении следователя Ч. о назначении адвоката Б. защитником обвиняемого С. не содержится выводов о недобросовестном поведении какого-либо участника производства по делу со стороны защиты. В свою очередь, адвокат Б. неверно оценил сложившуюся ситуацию как не позволяющую ему покинуть место производства процессуальных действий, ошибочно полагая, что это будет связано с отказом от защиты. При этом он исходил лишь из отсутствия у обвиняемого С. других защитников.

Адвокат Б. был обязан не только разъяснить подзащитному С. положения ст. 50 и 172 УПК РФ, предусматривающие его право пригласить защитника в связи с уведомлением следователя о намеченном на 16 августа 2024 года предъявлении обвинения, но и помочь подзащитному реализовать данное право. Уклонение С. от общения и взаимодействия не освобождало адвоката Б. от обязанности проявить собственную активность, поскольку мотивы протестного поведения С. были ему достоверно известны, а обращенные к нему требования последнего покинуть место производства процессуальных действий не могли быть интерпретированы адвокатом Б. иначе, чем заявление об отказе от его юридической помощи и требование реализовать его право на защиту избранным защитником – адвокатом Ч.

Неистечение на момент анализируемых событий пятисуточного срока явки приглашенного защитника обязывало адвоката Б. принять меры к реализации права С. на свободный выбор защитника, в том числе путем облечения его заявления в надлежащую процессуальную форму и требования к следователю разрешить его надлежащим образом. В случае невозможности выражения воли С. в его собственном заявлении об отказе от юридической помощи адвоката Б. последнему следовало сделать самостоятельное письменное заявление с изложением причин протестного поведения обвиняемого С., его требований, а также с выражением поддержки позиции

подзащитного и собственным требованием отложить производство процессуальных действий. В случае отказа следователя Ч. в удовлетворении таких заявлений либо уклонения от их разрешения адвокат Б. должен был покинуть место производства следственных и иных процессуальных действий, сделав соответствующее письменное заявление о нарушении права С. на свободный выбор защитника, а также приняв меры к обжалованию соответствующего процессуального решения или бездействия следователя Ч.

На формальный и пассивный характер участия адвоката Б. в процессуальных действиях 16 августа 2024 года указывает и отсутствие каких-либо его заявлений или замечаний в протоколах процессуальных действий. При этом, исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 15 мая 2012 года № 881-О, нормы уголовно-процессуального закона не дают следователю возможности совмещать предъявление обвинения с производством иных следственных действий, в том числе в чрезмерном объеме, при котором ограничивалось бы время, необходимое обвиняемому для подготовки своей защиты, и поэтому не предполагают одновременного предъявления обвинения и материалов оконченного расследования без учета заявленных обвиняемым ходатайств и принесенных им жалоб. Указанная выше запись в «График ознакомления обвиняемого С., защитника Б. в порядке ст. 216–218 УПК РФ с материалами уголовного дела №…» внесена адвокатом Б. без какой-либо необходимости.

Документы, составленные 16 августа 2024 года следователем с участием адвоката Б., свидетельствуют о том, что он фактически свел свою роль защитника С. лишь к содействию фиксации фактов отказа последнего от подписания процессуальных документов и от участия в следственных и иных процессуальных действиях. Именно это обстоятельство позволило следователю Ч. в дальнейшем утверждать (в том числе и в постановлении об окончании производства ознакомления обвиняемого и его защитников с материалами уголовного дела от 16 сентября 2024 года), что 16 августа 2024 года с обвиняемым С. и его защитником начато выполнение требований ст. 217 УПК РФ.

Описанное поведение С., в том числе и его отказы от защитников, могло быть обусловлено несогласием с намерением следователя Ч. предъявить ему не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей материалы оконченного расследованием уголовного дела. Тем не менее, обязанностью защитника является защита интересов доверителя, а не содействие следователю в реализации каких-либо процессуальных возможностей, особенно в ущерб правам и интересам подзащитного.

По этим причинам адвокат Б. в сложившейся ситуации не должен был участвовать в следственных и иных процессуальных действиях в условиях нарушения права С. на свободный выбор защитника. Этот вывод охватывает, в том числе, и прочие доводы заявителя С. о неоказании ему адвокатом Б. квалифицированной юридической помощи 16 августа 2024 года.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Б. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

Вместе с тем, Совет не усматривает дисциплинарного проступка в том, что адвокат Б. не провел с С. конфиденциальную беседу, учитывая неоднократный и категорический отказ последнего от такого общения.

Доказательств того, что адвокат Б. умышленно действовал в интересах следователя и вопреки законным интересам доверителя С., последним не представлено. Обстоятельства принятия адвокатом Б. заявки АИС АПМ, содержавшей достоверные сведения о фамилии, имени, отчестве подзащитного и номере уголовного дела, также не подтверждают довод заявителя о знакомстве адвоката Б. со следователем Ч., поскольку заявка многократно предлагалась и другим адвокатам.

Дисциплинарное обвинение в несоблюдении адвокатом Б. деловой манеры общения с доверителем С. также не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. В его обоснование заявитель С. указал, что адвокат Б. обратился к нему с фразой: «Не надо устраивать тут цирк, мы все прекрасно понимаем, что происходит, я сам был следователем». Однако адвокат Б. последовательно отрицал, что произносил такую фразу, и каких-либо доказательств, опровергающих его позицию и подтверждающих рассматриваемое дисциплинарное обвинение, заявитель С. не представил.

Не доказан и довод заявителя С. о том, что в ходе беседы с ним адвокат Б. критиковал правильность действий и консультаций адвокатов, ранее оказывавших ему юридическую помощь, заявив о том, что они «не профессионалы, плохо работают и являются безграмотными». Адвокат Б. указанное дисциплинарное обвинение также не признал, настаивая на том, что подобных высказываний не допускал.

Таким образом, презумпция добросовестности адвоката Б. в части других дисциплинарных обвинений не опровергнута.

Совет также вновь подчеркивает, что размещение защитниками по соглашению заявления о принятой защите в соответствующем разделе личного кабинета адвоката в АИС АПМ способствует своевременному оповещению об этом назначенных по заявкам адвокатов, облегчая выявление возможных нарушений со стороны дознавателя, следователя и суда и препятствий для вступления назначенного защитника в дело. При этом необходимо учитывать то, что согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей, распространяются правила сохранения профессиональной тайны, что требует от адвоката соответствующего согласования с доверителем вопроса о размещении информации в АИС АПМ с учетом складывающейся в конкретном деле ситуации.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Б. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет

принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил вступления в уголовное дело в качестве защитника по назначению следователя и сопряженный с нарушением прав доверителя на свободный выбор защитника. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что ранее адвокат Б. к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Б. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также полагает необходимым указать адвокату Б. на необходимость исполнения профессиональной обязанности, предусмотренной пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Б. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве … адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства…, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 4, 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20

апреля 2017 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что, вступив 16 августа 2024 года в уголовное дело № …, находящееся в производстве следователя 11 отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве Ч., в качестве защитника обвиняемого С. . по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, адвокат Б. в условиях нарушения права С. . на свободный выбор защитника принял участие 16 августа 2024 года в предъявлении С.. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в его допросе в качестве обвиняемого, в уведомлении об окончании следственных действий по уголовному делу № …….., а также в предъявлении обвиняемому С. и его защитнику – адвокату Б. материалов указанного уголовного дела для ознакомления в порядке, установленном ст. 217 УПК РФ.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по жалобе С. от 04 сентября 2024 года (вх. № … от 10.10.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**